

ДНЕВНИК И ПИСЬМА ОФИЦЕРА

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В центре нашего внимания дневник (1901-1910) и письма (1901-1918) офицера царской армии Белостокского полка Бастракова Николая Петровича (1876-1918), отправленные родителям в Уржум (Россия). Последние письма были отправлены из тюрьмы в Симферополе. В ней он был расстрелян большевиками 25 февраля 1918 г. вместе с другими офицерами. Перед нами глубоко религиозный человек, Главным для него было верность присяге, священный долг перед Родиной. Из дневника, писем мы видим, о чем мечтал русский офицер, его мысли, его отношения с начальством, друзьями-офицерами и подчиненными. Мы можем узнать быт и нравы русских офицеров начала XX в. Из дневников и писем мы видим, как менялось отношение офицера к службе, войне, правительству, народу, и как, наконец, менялся он сам.

Бастраков Николай Петрович начал службу в 1895 году в Орле в Звенигородском полку. За боевые заслуги он был награжден орденом Святого Станислава второй степени.

ДНЕВНИК

7.12. 1901

Я чувствую, что для меня настал такой период, в течение которого должен сформироваться мой характер и мое направление на всю будущую жизнь и деятельность. Но руководителя у меня нет, нет такого человека, который мог бы направить мой ум и все мои способности на тот путь, по которому должен следовать каждый человек, чтобы достигнуть цели, для которой он создан Всемогущим Богом.

Я чувствую, что из меня может выйти очень хороший человек для общества и полезный деятель для государства, но не отрицаю и того, что из меня может выйти бесполезный и нежелательный для общества и даже вредный для всего живущего преступник. Все зависит от того, какую форму даст мне жизнь и какое направление дадут мне обстоятельства. Чувствую, что я сейчас подобен воску, готовому принять самые разнообразные формы. Стоит мастеру

пожелать и выльется из него прекрасная богиня красоты, которой будут с восторгом любоваться тысячи людей, но в то же время из этого воска может быть вылита самая безобразная и гадкая ведьма, которая будет возбуждать отвращение в каждом человеке, случайно на нее взглянувшем. Все зависит от формы и от желания мастера. Сознавая этот важный период в своей жизни и не видя никакой внешней опоры, я решил обратиться к своим собственным советникам, дарованным нам Богом, уму и сердцу и с их помощью заняться выработкой из себя того, чем я должен быть по воле Всемогущего Творца Вселенной.

Мои правила

1. Я буду господином собственных действий
2. Я никогда не буду смущен или возбужден.
3. Я никогда не поддамся гневу.
4. Я никогда не приму поспешного решения
5. У меня никогда не будет сожаления после принятия решения
6. Мои решения будут окончательными
7. Я никогда ничего не сделаю наполовину
8. Я не буду действовать против своего собственного убеждения
9. Я никогда не решусь на то, что может навредить другим.
10. Я буду всегда честен относительно себя и в моих сношениях с другими.
11. Я хорошо проникнусь и удержу в уме эти решения и буду всегда с ними сообразоваться.

03. 01.1902

О духовной свободе.

Душа свободная не дает унести себя потокам событий и влияния других людей. Душа свободная умеет защитить себя от вторжения суетности, не пресмыкается перед мнением толпы, но чувствует себя ответственной перед судом высшим, нежели суд человеческий.

Нравственные законы стоят для нее выше господствующих увлечений, и она никогда не отдаст себя в рабство толпы или даже в распоряжение избранного кружка.

Душа свободная побеждает эгоизм, гордость и леность; служит человечеству своими силами и умением.

Мне хотелось бы, чтобы трудолюбие, нравственность и стремление к познанию во мне взяли перевес над праздностью, ленью и развратом. Лучше быть одиноким, чем окруженным дурной компанией.

В жизни надо иметь хорошее общество, а в литературе надо выбирать только те книги, которые способствуют развитию нашего характера и образованию нашего ума.

Литература существует для борьбы за счастье и свободу человечества и для распространения развития и прогресса.

Господи! Помоги мне возненавидеть праздность и всякую свободную минуту посвящать какому-нибудь труду!

Важно выработать себя так, чтобы тебя никакая перемена не могла застать врасплох. Не нужно никогда падать духом. Нужно уметь во всяком явлении видеть самое главное, существенное и отличать от случайного и маловажного.

Нужно укреплять волю, поддерживать энергию и воспитывать самонаблюдение. Приобретение и утверждение за собой такой силы ума, которая могла бы вступать в состязание с владычеством привычек, может почитаться одним из важнейших результатов нравственных дисциплин.

19.02. 1902.

Я пойду своей дорогой, меня толпа не увлечет. Меня в детстве родители научили бережливости, и теперь мне остается только от души поблагодарить своих родителей за мудрую науку, если и не принесшую мне счастья, так избавившую меня от многих бедствий и много способствовавшую сделаться мне независимым.

07. 02. 1902.

Ум без энергии – сила небольшая. В детстве мне почему-то нравился характер моей матери, вспыльчивой из-за пустяков, но скоро все прощающей и переходящей в ласку. Второе хорошо, это происходит от мягкосердечия, но с первым мне теперь приходится бороться как с качеством дурным и вредным в жизни.

Богатство есть награда за трудолюбие, знание, бережливость, а бедность – наказание за леность, невежество и неблагоразумие.

Поручик не монах, который видит в сухом ящике и в пустом урчащем животе – угодное Богу.

Каждому воздай, что положено, и отнюдь не больше, ибо всякий излишек развращает власть, и это потом очень тяжело отзывается на спинах тех же подчиненных.

Офицер, пресмыкающийся перед начальством, бесчестит свой мундир.

Достоинство должно быть соблюдено и при сношении с начальством.

Существует, конечно, прекрасное изречение «честь быть офицером не может быть оплачена деньгами». Но все-таки странно, что именно генералы при взгляде на кучи золота и кредиток, которыми они ежемесячно набивают себе карманы, не чувствуют никакой неловкости, даже не чувствуют что-нибудь вроде пресыщения (инцидент генерал-лейтенанта Коссовича и штабс-капитана Казарина).

В военной службе подчиненные находятся в полной власти у своего начальника. Он представляет собой беззащитное существо, игрушку. ... Все дело направлено на то, чтобы никто не мог жаловаться. А если пожалуется, то в другой раз к этому охоту потеряет.

11 августа 1909 Севастополь

Для офицеров нашей части строятся и скоро будут готовы казенные квартиры. Причем младшему офицеру полагается по закону (кажется, еще со времен Петра 1) комната с перегородкой. Назовем эту комнату с перегородкой - квартирой в 2 комнаты. Причем в одной из них можно поставить только кровать, стол, стул и умывальник. Эта комната служит спальней и рабочим кабинетом. Другая комната, немного побольше первой, должна играть роль столовой и гостиной. Теперь спрашивается: где же будут помещаться моя жена и четверо детей. Положим, ложе для жены я могу устроить над своей кроватью, ну хотя бы вроде того, как это устраивается в ж/д вагонах. А дети? Ну детям, должно быть, придётся спать под кроватью. И в такой квартире мне надлежит прожить 13 лет, пока не получу роту и с ней квартиру в пять комнат. Перспектива, нечего сказать, заманчивая. Когда младший офицер не женат, казенная квартира ему вполне достаточно. Но можно ли рассчитывать, что все младшие офицеры пожелают остаться в течение 15 лет холостыми? Ни в коем случае.

Неужели нельзя было строить квартиры для младших офицеров ну хотя бы в три комнаты: одна для офицера спальня и кабинет, другая для жены и детей и 3 как столовая и гостиная, в который можно было бы принять явившегося ко мне с визитом товарища. Я нисколько не удивлюсь, что в армии громадный некомплект младших офицеров.

1910 год

Отчего это у большинства окончивших военно-учебные заведения охота и влечение к научным отраслям и даже просто к чтению, которые доставляют образованному человеку столько наслаждения, совершенно исчезают?

1901 год

Безотраднo жизнь одинокая, не согрeтая любовью. Сегодня сегодня 24 декабря, канун Рождества или так называемого сочельника. Для меня эти кануны больших праздников, да и самые большие праздники самое горькое, безрадостное и безотрадное время.

Все люди, которых мне приходится видеть и и встречать в это время, чем-то очень озабочены, куда-то торопятся, волнуются, суетятся, закупают что-то, к чему-то готовятся и чего-то ждут необыкновенного, радостно приятного. Все люди вокруг меня радуются, веселятся. Поздравляют друг друга с чем-то, и в этом и взаимном общении люди чувствуют себя как нельзя лучше, по-праздничному.

Только я и, как мне кажется, я один не принимаю во всех этих волнениях участия и, следовательно, и не получаю никакой радости, Никакого удовольствия. А от чего это? От чего это я не участвую в волнениях и радостях окружающих меня людей? От того, что я для всех чужой. Эх, одиночество круглое.

«Устал я жить! Нет в мире для меня вперёд манящих радостных мгновений, в душе усталой нет радости, нет огня и больше нет мучительных сомнений.

Я жить устал! Желаний никаких. Ни веры ни во что, живу без ожидания счастливых дней и быть не может их: Я жить устал, я пережил желанья!»

1908 год.

Буддизм: убей желания, вознестись над иллюзиями, и не будет страданий. Ежедневная молитва индуса: Да будут все совершенны, да будут все счастливы, и совершенство да будет во всём. .

Эмерсон говорил:

«Человечество разделяется на два отдела: делающих добро и делающих зло. Если вы принадлежите к последним, вы обращаете друзей во врагов, память — в страдания, жизнь — в горе, мир — в темницу. Смерть царит и ужас. С другой стороны, если Вы внесли одну светлую добрую мысль в чью-либо душу, один счастливый час в чью-либо жизнь, вы исполнили дела доброго ангела».

9 декабря 1901 год

Мне делается страшно неприятно, когда я обнаруживаю своих врагов, в особенности, когда ими делаются люди, которым я не сделал ровно ничего дурного. Я заметил, что люди, познакомившись со мной поближе, в душе относятся ко мне недоброжелательно. Сначала мне казалось, что причина этого таится в дурных качествах всех людей, с которыми мне приходилось сталкиваться. Ну рассматривая это явление, я прихожу всё больше и больше к такому заключению, что причина этого таится во мне самом. И причина этого не что иное, как мой крайний эгоизм.

Дать счастье человеку не могут ни знатность, ни богатство, ни власть, только один дар Бога человеку: ум. Кроме ума, нет лучшего дара человеку от Бога.

4 марта 1902 г. Орел

Я желал бы иметь полную власть над собой. Я хотел бы быть над с собой неограниченным монархом.

8 марта 1902 г. Орел

Сегодня со мною было такого рода происшествие. Много наших офицеров собрались на вынос тела умершего генерал-лейтенанта Гончарова, и в ожидании выноса мы толпились около наружных дверей. Офицеры разговаривали, и вот, между прочим, кто-то заметил, все пришли в трауре и только капитан Рождественский и поручик Рытов почему-то без трауров. На это оба вышеназванных

офицера вместо того, чтобы просто сознаться в том, что забыли надеть траур, по какому-то ложному самолюбию стали оправдывать себя тем, что по уставу в этом случае траура надевать не полагается. Поэтому они его и не сочли нужным одеть. Таким образом, выходило, что все офицеры, пришедшие на похороны в трауре, были неправы, и только они двое поступили правильно, пришли без траура. Они так убедительно ссылались на устав, что, пожалуй, можно было согласиться с ними, поверив, что слова их искренне. Ну вот раздался откуда-то голос: «Едет начальник дивизии», и эти ратовавшие за правду офицеры вдруг изменились, они стали попеременно обращаться то к одному, то к другому из офицеров, спрашивая, нет ли у вас запасного траура? Трауры нашлись, и поборники правды торопливо надели их на левый рукав. Присутствуя при выше описанном разговоре, я обратился к капитану Рождественскому и сказал: «Капитан! Ведь вы говорили сейчас и даже убедительно доказывали, что траур не нужен и надевать в этом случае по уставу не полагается, так зачем же вы его надеваете?». Молчит. «Капитан, не надевайте траура, ведь вы, надевая его, не исполняете устав». Он на это отвечает: «Большинство надели, поэтому и я надеваю». «Что вам за дело до большинства, ведь большинство неправы, а вы правы. Чего же Вам бояться, неужели вы не можете постоять за свое правильное убеждение?». На это он мне со злобой отвечает: «Это не Ваше дело». И с сарказмом добавляет: « Уж Вы-то надели траур по уставу, уж Вы-то знаете устав. Увидели, что другие в трауре, так и надели сами. Я побольше Вашего служу и лучше Вашего знаю устав».

«Я и не говорю, капитан, про знание уставов. Я сказал только про то, зачем Вы таким позорным образом отrekliсь от своего убеждения?».

Разозлившись на это, капитан мне сказал злобным тоном: «Вы не имеете права со мной так разговаривать, молод еще, мал!». И, не зная, чем бы меня ещё больше уничтожить, молчал. А я в это время сказал ему: «Что же делать, капитан, я мал, но есть русская пословица, которая гласит: мал золотник, да дорог, а велика...». Но на этом слове я остановился, считая неуместным и ненужным сказать остальное и хотел уйти. Но в это время подскочил окончательно бешеный капитан и налившимися кровью глазами

сказал: «Велика... Потому что? Говорите, говорите дальше... Велика Федора да дура, что ли?».

« Я не сказал этого, капитан», - с этими словами я повернулся и отошел.

Искра попала в солому. Бешеный капитан переходил от одного офицера к другому, собирая около себя кружок и всем с жаром рассказывал, что подпоручик Бастраков назвал его дураком, как гласит пословица, что «велика Федора да дура», и говорил, что он заявит об этом суду общество офицеров. И так продолжал до тех пор, пока не рассказал всем. Все слушали эту злобу дня с удовольствием. Причём одни говорили: «Да неужели? Это нехорошо, как же это он мог?». Другие: «Он Вас оскорбил? Суду, суду его, следует проучить мальчишку». «Я очень рад, что ему влетит как следует. Вы этого дела так не оставляйте», - говорили питающие злобу ко мне люди. Третьи, прослушав внимательно рассказ капитана, авторитетно отвечали: «Безусловно необходим суд».

Я описал всё, как было. Теперь посмотрим, какие могут быть последствия. Все офицеры настроены против меня. Меня вызывают в суд. Каждый из судей в душе сознает, что оскорбления с моей стороны никакого не было, а если я сказал относящуюся только ко мне пословицу «мал золотник да дорог» и прибавил «велика...», и по собственному своему побуждению остановился и больше ничего не сказал, то тут оскорбления и преступления ещё никакого нет. Являющиеся у человека в голове мысли, но невысказанные, наказанию не подлежат по закону, потому что их никто не знает из людей. Если бы даже можно было догадаться, что за словом «велика» должны последовать оскорбительные слова «федора да дура», но эти слова не были сказаны по-моему личному внутреннему убеждению, то и тут меня обвинить нельзя, так как наш закон говорит, что в статье 113 уложения, что, когда человек, покусившийся на преступление, остановился при этом и не совершил его преднамеренно, то он наказанию не подвергается. Но судьи наше существо дела отложат в сторону и будут рассуждать так: «Мальчишка дерзко разговаривал с капитаном и даже чуть не называл его дураком. Этого допустить нельзя. Его нужно наказать хотя бы в пример другим, а то позволь ему такие разговоры, так он завтра и Вам, и мне, господин полковник, скажет то же самое, и

увидят это другие. Тоже по его следам пойдут». Вот вам и дисциплина. «Наказать его непременно, чтобы не смел мальчишка подпоручик говорить в глаза правду второму капитану и чтобы даже не смел думать про него плохо». Результат: «Да, виновен». При составлении приговора принимается во внимание, что начальник дивизии очень не любит споров между офицерами и, в особенности, в разных чинах. И вот в угоду ему (ещё бы, ведь начальник дивизии — сила, сделай-ка ему не по нраву!) злополучный подпоручик приговаривается к самому худшему наказанию: вон из полка! А так как человек, посвятивший себя военной службе и неожиданно выброшенный из неё, бывает, большею частью, не приспособлен ни к какой другой деятельности, то ему остается своей персоной увеличить число босяков, в которых у нас и сейчас, сожалению, нет недостатка.

Господа! поменьше эгоизма и побольше любви к ближнему. Не злоупотребляйте властью из-за мелкого самолюбия и эгоистических расчётов и не губите ради этого молодые силы, ибо маленькое довольство и благополучие, построенные на большом несчастье других, вряд ли принесёт удовлетворение. Ведь Бог справедлив.

Вышеописанного следствия со мною, к счастью, не произошло, потому что я в тот же день поехал в обыкновенной форме, то есть официально по делам службы к капитану Рождественскому и сказал ему: «Капитан, после бывшего между нами разговора Вы считаете себя оскорбленным и хотите жаловаться на меня суду общество офицеров? Он сказал: «Да». Я продолжал: «Вины я за собой не чувствую. Когда Вы поджигали меня договорить начатую и прерванную вовремя мною фразу, я Вас оскорбить мог, но не оскорбил. Если же Вы в сказанных мною словах находите для себя что-нибудь оскорбительное, то я за них искренне прощу у Вас извинения, то есть я ему объяснил, какие могут для меня быть последствия этого недоразумения. И в результате он со знанием своего великодушие протянул мне руку и сказал: «Я это, так и быть, оставляю», и мы расстались. Теперь Вы, пожалуй, спросите, почему же я, чувствуя себя правым и будучи таковым в действительности, поехал просить извинения к капитану Рождественскому.

3 ноября 1902 год Орел.

Не следует сердиться на грубость, которые Вам может в разговоре сделать человек низшего класса, эта грубость ему свойственна, она такая же неотъемлемая принадлежность, как его грязный костюм, неряшливая внешность и невежество.

8 сентября 1903 год Севастополь

Я заметил, что, если в моей судьбе происходит какая-нибудь перемена помимо моей воли и желания, то меня это ужасно возмущает. Я не могу перенести, чтобы моей судьбой распоряжался первый встречный, попавшийся на моём жизненном пути, которому в силу сложившихся обстоятельств я должен временами подчиняться. Подчинение должно оставаться подчинением, и власть надо мной имеет предел, ибо я не бесправный раб, а добровольно подчиняющийся и не позволю первому встречному ломать по-своему идиотскому капризу мой жизненный курс. Перевод офицера по воле начальство из одного полка в другой и из одного города в другой — это очень важная перемена в жизни человека, и настоящие командиры к этому делу относятся в высшей степени осмотрительно. Они сначала объявляют о необходимости перевести в другую часть несколько офицеров и вызывают желающих. Если таковых не окажется, то приказывают бросить жребий между офицерами, и переводится тот, на которого укажет провидение. В Звенигородском полку был такой случай: требовали двух офицеров для перевода в другой батальон. Командир нашего полка полковник Герман был произведен в генералы, и начальником штаба гренадерского корпуса временно командовать полком до назначения нового командира был назначен старший из штаб офицеров полка Сонник Конкров. И вот этот калиф на час не задумался перевести по собственному произволу без всякого предложения и жребия двух офицеров, без ведома их самих. И они до последнего момента даже не знали, что в их судьбе готовится какой-то перелом по капризу временно над ними властью имеющим подлецом. Это ли не подлость, господа? Как после этого ему можно вручить большую власть и ждать от него справедливого отношения к подчиненному, когда даже на минуту власть ему была дана, и он не мог удержаться, чтобы не злоупотребить ею.

Полковник Конкров решил перевести меня в другой полк в Тамбов, а на мое место взять своего племянника, пьяницу, задолжавшего много денег.

Итак, моя жизнь по воле какого-то проходимца сделала крутой поворот и поворот в дурную сторону. Я попал в худшие условия во всех отношениях: в служебном, в материальном. В смысле жизни, в климатическом отношении, в общественном, в смысле товарищества, в смысле развития и своей будущности. Ну, одним словом, принужден был сделать шаг назад. Я стал служить в Тамбове. Порядок вещей, когда человек переходит из лучших условий в худшие, то это уже есть явление ненормальное. Когда я очутился в таком положении и осознал его, то первой моей мыслью было во что бы то ни стало вырваться из такого печального положения, в которое поставил меня какой-то мерзавец Конкров. Проведенное мною в Тамбове в Кромском батальоне 4 месяца и несколько дней можно смело вычеркнуть из моей жизни, потому что я там не жил, а страдал, страдал физически и нравственно.

Но вот мне посчастливилось прикомандироваться в Севастополе. Здесь условия службы и жизни настолько же хороши, насколько отвратительны в Тамбове.

Я хоть временно, хоть на один год избавлен от Тамбова и от Кромского батальона и теперь хоть временно могу вздохнуть свободно и пожить. И мысль пробудилась во мне, я вот излагаю ее на бумаге, а в Тамбове я был пришиблен, я не жил, и это видно даже по настоящему дневнику: Орел 3 ноября 1902 и потом сразу Севастополь 8 сентября 1903 г., а тамбовской жизни нет. Если бы теперь удалось мне совсем перевестись в Севастополь, то это был бы гигантский скачок.

19.09.1902. (Письмо родителям).

Царские маневры и смотр кончены. Ждем в Курском очереди для отправления по ж.д. В Орел.

Ваш Николай Бастраков

26.08.1904. Севастополь (письмо родителям)

Я, кажется, Вам уже писал, что из Казанского юнкерского училища вышел мой двойник подпоручик Бастраков, направлен в 16 Восточный Спб. Стрелковый полк.

На днях будет объявлена мобилизация 8 корпуса для отправки на Восток. Из Крепостного батальона взяли штабс-капитана

Безуара. Я писал Вам, что раньше уехал на Восток поручик Безуар, но он дорогой сошел с ума и вернулся, а теперь вот брат его едет.

Вот уже месяц я исполняю обязанности делопроизводителя. У меня три должности: заведующего перепиской, делопроизводитель и казначей. У нас на учете и на денежном довольствии состоит более 200 офицеров. В обороте более 23 тысяч. Покой мой совершенно нарушен: ни купаться сходить, ни погулять, потому что в бумажнике всегда несколько тысяч рублей. Скорее бы все беспорядки кончились. Надоело! Здесь на этих днях под экипаж командира Брестского полка генерала Думбадзе бросили опять бомбу: убиты две лошади, тяжело ранено три солдата и легко ранен в ногу генерал.

Я посылаю Вам посылку. В ней — моя карточка, где я снят с моим сожителем адъютантом Брестского полка поручиком Томасом. В посылку я положил старые погоны и эполеты на память о службе в разных частях войск.

Целую Вас всех

Н.Бастраков

19.09.1904

На рейде раздался пушечный выстрел, это значит, что солнце погасило последний луч свой в пучине Черного моря. Зажглись береговые маяки, и эскадра, опустив флаги, заменила их огнями.

Через каких-нибудь полчаса наступит полная темнота, и лучи прожекторов заиграют по всем направлениям с судов и берегов их батарей. При их игре Севастополь имеет волшебный вид. Вот один из лучей попал на стоящий на якоре крейсер или броненосец, и вы среди полного мрака видите отчетливо выделяющееся судно со всеми мельчайшими подробностями. Еще момент — и видение скрылось, но взамен его появилось новое: Графская пристань, Гостиница Кисть, площадь перед ней с памятником Нахимову с движущимися экипажами и людьми, сеть телефонных проволок. Зеленые деревья приморского бульвара и вагон трамвая освещены как днем. Но вот луч прожектора отведен, и вы не видите идущего в десяти шагах человека, а только слышите его шаги по асфальту. Я сижу в лагере в дежурной комнате С. Кр. б-на. Мой друг и сожитель находится здесь же на северной стороне бухты, в северном укреплении в карауле «рундом» в верстах двух от меня.

Сейчас с солдатом прислал мне записку, что караулы в мою сторону проверять не пойдет и ко мне, следовательно, зайти не сможет, так как получил приказание от дежурного по караулам поехать ночью на ялике в Маячную балку проверять караулы у пороховых погребов. Я уже писал Вам, кажется, о поручике Томасе. Он прикомандирован к С. б-ну по климатическим условиям с Запада из Новой Александрии. Сам он одессит из очень хорошей семьи, воспитанный человек и идеальный товарищ. Мы с ним близко сошлись, живем в одной квартире и даже в одной комнате. Я был бы очень благодарен судьбе, если бы она меня сталкивала почаще с такими людьми. К сожалению, прикомандирование его скоро кончается, и перевод его неизвестно куда состоится (в Одессу или в Севастополь).

У нас еще двух офицеров взяли подпоручика Митника на Восток и моего ротного командира капитана Серебрянского в Кишинев на сформирование новой части. Да! Японская война все затягивается, неизвестно, чем-то и когда все это кончится!

На пуговицы дали нам орлы.

Я за 65 рублей сшил себе шикарную сюртучную пару из царского кастора. Сегодня отправил Вам перевод на 100 рублей. Поберегите их на черный день мне.

Целую Вас всех, любящий Вас Н. Бастраков

21.01.1905

19 января получил Ваше письмо от 10 января и, не откладывая в дальний ящик, а, главное, пользуясь минутой настроения, строчу Вам ответ, в то ведь нужно признаться, что я в последнее время совсем распустился. То политика меня захватит, то служба современная тревожная, то женщины... Да!

Вы говорите, что письмо мое шло 38 дней. Не дурно! Хотел ругнуть по этому поводу сейчас старые порядки и тех бездарных вершителей судеб российского народа, которые довели страну до такого состояния, да уж не стоит портить тон письма.

Теперь я не жалею, что не попал на войну: нашего брата мелких офицеров, пасынков старого режима ждала там только гибель. Она была полезна только для наших внутренних врагов Гриппенбергов,

Учтекельбергов, Небогатовых, Безобразовых, ничем не рисковавших и вернувшихся и богатыми и украшенными.

В Севастополе сейчас все спокойно. Крепость по-прежнему в осадном положении. За осадное положение офицерам по закону полагается 1,5 рубля суточных, но суточные нам давали до тех пор, пока правительство было в большой опасности, но как только, благодаря нашей стойкости, опасность миновала и правительство почувствовало свою силу, то при свойственной только нашей бюрократии подлости мы этих суточных были лишены. Лишили нас этих суточных (законных) только потому, что военный министр Редигер высказал мнение, что в мирное время их давать не следует.

В настоящее время снова нахожусь в распоряжении Ялтинского военного начальства. В командировку в Одессу, вероятно, не поеду.

Письмо родителям (год?)

... В Ялте я пробыл три дня. Возвратившись из Ялты, я был прикомандирован к минной роте. Это в 1,5 верстах от Севастополя, тут дали мне казенную квартиру, где я и живу в настоящее время. В мое распоряжение командир дал небольшую лодочку с парусами, и я в свободное время с денщиком езжу кататься по морю и ловлю рыбу. Обязанность моя здесь — обучать учителей молодых солдат, а потом и самих молодых. Кроме того, приходится работать в минных складах, ездить на катерах, быть на погрузках, отправляемых на Восток.

26.08.1905.

Дорогие родители!

В моем служебном положении опять произошла перемена. Как Вам известно, по случаю отъезда в отпуск полковника Де-Роберта я остался за ялтинского в.н., а делопроизводителем у меня был титулярный советник Бурак. Но вот получается приказ по бригаде, что Бурак на время производящего о нем следствия откомандировывается в распоряжение Симферопольского в.н., а вместо него к Упр. Ялтинского в.н. прикомандировывается делопроизводитель Симферопольского в.н. штабс-капитан Джелепов. Но тут получилась такого рода комбинация: воинский начальник Ялтинский — поручик (я), а делопроизводитель — штабс-капитан. Пришлось донести и по начальства поменяться ролями. И я, пробыв месяц Ялтинским В. Нач., скоро уже месяц как

исполняю должность делопроизводителя этого же управления. От такой игры случая я только проиграл, т.к. теперь уже не получаю

тех лишних 25 рублей, которые получал. Исправляя должность В.нач. , а работы теперь стало, по крайней мере, в 10 раз больше, т.к. в лице своем я исполняю 3 должности: заведующего пересыльной частью, делопроизводитель и казначей. Не буду говорить о своей должности заведующего пересыльной частью, скажу о о двух других, навязанных мне злым роком: во-первых, с ними я совершенно не знаком, а должности трудные. Должность делопроизводителя вообще трудная и требует большой подготовки и знания различных законоположений, циркуляров, приказов и т.д.

А здесь она еще больше осложняется в виду то, что у нас на учете и на денежном довольствии состоит более 200 человек офицеров. Живущих в различных санаториях на южном берегу и столько же семейств офицеров, отправленных на Дальний Восток. Можете себе представить, сколько это прибавило работы управлению, а состав его ведь тот же, да теперь еще и меньше. Патрон полковник Роберти, получая полное содержание и все столовые за должность Ялт. В.Н., благодушествует в отпуску без всякой ответственности за управление, и вся масса дел легла, главным образом, на меня как делопроизводителя, прямо хоть волком вой. По должности казначейской получаю, раздаю и рассылаю массу денег, месяца еще нет, а оборот уже более 23 тысяч, тогда как в Крепостном батальоне, например, оборот в месяц 8 тысяч, и для этого имеется особый казначей. Что я по неопытности в этом деле, в которое попал неожиданно, могу просчитаться и поплатиться здорово, так об этом я уже не говорю, а вот покой мой теперь совершенно нарушен, ни купаться сходить, ни погулять, потому что в бумажнике всегда несколько тысяч.

14436 руб. 10 коп.. Вот сейчас писарь принес на получение завтра из казначейства денег по талонам с доверенностями мне на вышеотмеченную сумму.

08.10.1905.

13 сентября я приехал с Фон-Риттаром в Ялту, остановился в гостинице «Россия» и сейчас же написал Вам об этом на бланке с видом Ласточкина гнезда. В Ялте пробыл до 19 числа. Пробыл эти шесть дней в полное свое удовольствие. Правда, обходится все это

недешево. Один номер стоит 5 рублей 50 копеек в сутки, да обед до 5 рублей с 2 персонами без вина, а уже про остальное и говорить нечего. Но если принять во внимание, что мой приятель получает 12 тысяч годового дохода, то расходы эти — пустяки. Ему ведь нужно проживать 1000 рублей в месяц, и при всей его расточительности ему это удается не всегда.

Стародубцевых я ни в Ялте, ни в Алушке не встречал. Их нельзя не заметить в Уржуме, на южном же берегу Крыма среди лучшего блестящего общества всей России их, наоборот, заметить очень трудно. Девятнадцатого в 7 часов утра на пароходе «Великий князь Константин» приехал я в Севастополь, а в 10 часов утра уже встречал на пароходе «Батуми» приехавших из Одессы сестер поручика Томаса Деди и Ирму. Поселились они на нашей штаб-квартире; комната поручика Томаса была уступлена барышням, а сами мы с ним поселились в моей. Столовая считается нейтральной. Живем весело! Не улеглись еще впечатления пережитого среди дивной тропической обстановки с не менее дивными женщинами в Ялте, а в Севастополе уже новые впечатления.

Двадцатого получил я Ваше письмо. Я давно уже заметил, что людям завистливым невыносимо видеть человека, живущего самостоятельно, своим разумом. И такому человеку они готовы сделать всякую подлость. Болею душой за тебя, отец. В неприятное положение поставили тебя неразумные сослуживцы. Они, вероятно, и тебя подговаривают забастовать, но ты не согласился, вследствие чего и была подана на тебя петиция. Не унывай, отец. Не всякое худо к худшему. Иногда это худо можно и себе на пользу обратить. Примеры — мои переводы из полка в полк (Орел — Тамбов — Севастополь).

Разве я не писал Вам, что полковник уже приехал? Я обратился к своим прямым обязанностям. Сдал чужие должности благополучно, и теперь как гора с плеч свалилась.

Севастополь. Н.Бастраков

28.09.1906.

Дорогие родители и сестренка!

Письмо Ваше от 10-13 сентября я получил. Очень рад, что у Вас в Уржуме все благополучно.

23 декабря (? год)

Виноват во всех кровавых смутах не народ русский, спокойный, мирный, благонамеренный, а его злейший враг — правительство. Правительство не думало о благосостоянии народа, а думало только о себе, о набивании своих карманов. О карьере, о чинах, орденах, о чем угодно, кроме долга. Оно не приносило пользу народу, только эксплуатировало, А для того, чтобы эксплуатировать народные массы, оно умышленно держало их во тьме и невежестве. Отсюда, с одной стороны, явились жирные бездельники, окруженные царской роскошью и утопающие в золоте и удовольствиях, обладающие громадным капиталом и земельными площадями. С другой стороны, народная масса, добывающая себе кровавым потом кусок хлеба, едва достаточного для того, чтобы не умереть с голода.

Проснись, русский народ, и начни новую жизнь не для кучки тех или иных эксплуататоров, а для своего собственного благосостояния.

Как участник Севастопольских событий, я мог бы много рассказать о них. Довольно правильно описаны эти события в «Русском инвалиде».

Севастопольский Крепостной батальон все время был верен присяге. Штурмовал морские казармы. Город совершенно не пострадал. Газеты о севастопольских событиях много врут. С 14 ноября Севастополь — на военно-осадном положении.

Севастополь 25.05.1907

С тех пор, как я принял должность казначея, я перестал жить для себя. При этой должности такая масса дел, что переделать их как следует нет сил. Должно быть, только на военной службе может существовать такой порядок, при котором наряду с людьми, изнывающими от скуки, существуют люди, едва выносящие тяжесть непосильного труда. Должность почетная, потому что деньги — сила! На моих руках два склада батальонной срочной

потребности и неприкосновенный запас разного имущества, начиная от пуговиц и кончая артельными котлами на 21 роту военного состава. Десятки тысяч различного рода вещей: сапоги, мундиры, фуражки, котелки, ремни и проч., и проч. дряни. Всему этому надо вести учет и запись, освежать, сушить, чистить, упаковывать и отправлять, получать, ..распаковывать, укладывать, хранить. Ну и за все, конечно, отвечать. Только немного управишься с материальными делами и думаешь с облегчением вздохнуть, как, повернувшись в другую сторону, видишь целую уйму накопившихся должностных дел: выдача денег офицерам, выдача для низших чинов, отправление на почту, прием с почты, сдача в казначейство, приемка из казначейства, денежная отчетность. При сдаче должности, если казначей приплачивает несколько сот рублей своих, то это считается явлением нормальным. По этому можете судить, в какие ненормальные условия поставлен казначей. Нужно иметь железное здоровье, громадную энергию и память или солидный капитал, чтобы, не морщась, покрывать все недостачи. Через два года увидим, чья возьмет: или жизнь меня сломает пополам, или я ее вдребезги.

Погода скверная, бушует море, ветер воет и дождь стучит в стекло барака. Через окно мне видно на бухте судно, разукрашенное флагами, а за ним город. Вот бульвар осветился электричеством. Но вряд ли будет много там публики. Севастопольцы не любят такой погоды. Им больше нравятся теплые ласкающие ночи. Бух!.. Это пушечный выстрел раздался с дежурного судна, и все флаги как подрезанные покатались по веревкам с мачт. Скверная погода! Совсем не крымская. А какую тоску она нагоняет на одиноких людей. Боже! Боже! Должно быть, я когда-нибудь умру от такой тоски. У меня теперь в жизни две вещи: заботы и тоска. Или вернее: жизнь состоит из тоски и служебных забот. Так это скучно! Если бы жизнь на всем своем протяжении была так монотонна, тогда не стоило бы жить. Одно утешение: бывают такие минуты, когда говоришь в восхищении: «Как ты, жизнь, прекрасна!».

23.12. 1903

Мне с каждым днем становится тяжелее и тяжелее жить — гнетет меня одиночество. Ни деньги, которых я имею в достаточном количестве, ни развлечения, получаемые на них, меня не удовлетворяют: повсюду для меня тоска, а в сердце пустота и холод, леденящий кровь... Да! Настало, должно быть, время, когда я более чем когда бы то ни было, нуждаюсь в нежной, участливой ласке и искренне любящем женском сердце. Не хватает сил переносить леденящий холод жизни, не согретой любовью.

11.08.1909

Невеселые думы армейского штабс-капитана. Вот уже два года как я штабс-капитан и только тринадцатый кандидат на роту в пятом ротном батальоне. Если в среднем будут выбывать из батальона по одному ротному командиру ежегодно (на что надежды мало), то я через 13 лет получу роту, а с ней и чин капитана, т.е. через 15 лет службы в штабс-капитанском чине, через 23 года службы в офицерских чинах (младшим офицером), через 27 лет всей военной службы и сорока шести лет от роду. Молодой ротный командир!

02.10.1910

Обедаю на Курском вокзале. Поезд стоит час сорок минут. Еду в отдельном купе с такими же удобствами, как на волжском пароходе.

Ваш Николай Бастраков

24.07.1912

Шлю привет из Вильно.

Ваш Николай Бастраков

25.07.1912

Сегодня утром прибыли в Петербург и остановились во втором кадетском корпусе.

Ваш Николай Бастраков

19.07.1913

Завтра утром выступаем на маневры.

Ваш Николай Бастраков

09.12.1914

Дорогие родители!

Шлю привет Вам с поля брани. Сел в окопы с ротой. Идет бой. Одновременно с занятием окопов получил первую серию писем. Это очень приятно. Дописываю письмо, сидя под землей. Между началом и концом письма 40 верст.

Ваш Николай Бастраков

10.12.1914. Действующая армия

Письмо родителям.

Канонада идет непрерывно.

02.01.1915 Действующая армия (Письмо родителям)

Все время нахожусь в окопах под непрерывным ружейным, пулеметном и артиллерийском огнем. В 400 шагах от германских окопов в первой линии. У меня убитых нет, раненых двое. Я, слава Богу, невредим.

15.04.1915.

Чистый воздух и яркое солнце Финляндии поправляют мое здоровье. Недалеко то время., когда я снова вернусь на передовую.

Ваш Николай Бастраков

09.05.1915. Петроград

Сейчас уезжаю в Великий Новгород. Шлю привет и лучшие пожелания.

Ваш Николай Бастраков

16.07.1915.

Учебная команда 179 пехотного запасного батальона.

Посылаю приложение к журналу «Летопись войны», в котором можно найти меня.

Ваш Н. Бастраков

01.09.1915. Действующая армия

Письмо родителям

Прислали нам русских добровольцев из французской армии. Форма, приемы, команды — все французские. Теперь мы их переделываем на свой образец.

08.09.1915. Действующая армия

Мы живем втроем в одной квартире и столуемся сами, держим двух денщиков. Хозяйством занимаются младшие офицеры по очереди.

Прибыли ли к Вам беженцы и как их разместили? Много ли у Вас пленных и что они делают?

Сегодня праздник Рождество Богородицы, и занятия у нас по этому случаю производятся только после обеда.

Ваш Н. Бастраков

30.10.1915 Действующая армия

Моя академия увеличилась до 380 человек.

Дневник. Мысли о женщинах

Лучшие качества женщины заключаются не в ее уме, но в ее чувствах. Женщины, в которых преобладает ум, никогда не нравятся так, как те, в которых преобладает сердце. При выборе жены обращайтесь внимание на ее родителей. Берите себе в жены дочь доброй матери.

01.09.1915. Действующая армия

Много мне хотелось сказать о ненужности высшей математики для женщин и о крайней необходимости каждой женщины хорошо подготовиться к роли милой жены, доброй матери и хорошей хозяйки. А также на темы:

1. Об ученых карикатурах в юбках.

2. Ни Богу свеча, ни черту кочерга.

3. Сына учу — займы даю,
дочь учу — в печку бросаю.

4. О воспитательном значении жизни молодых девушек без надзора родителей в грязных комнатах большого города., безалаберной студенческой жизни.

Высшее счастье женщины заключается в хорошей семейной жизни. Всякого же рода курсы и последующая за ним служба не только не приносят счастья для женщины, а, напротив, в подавляющем большинстве случаев, делают женщину нравственно уродливой и несчастной. Потому что это противостоит естеству.

Назначение женщины — семья, а не служба. Ни материальной, ни нравственной ответственности за превращение моей сестры из женщины в несчастное противостоющее существо прошу на меня не возлагать.

О Петрограде и о Высших бабьих курсах надо забыть.

Образование женщины нужно постольку, поскольку оно необходимо для семьи, а для семьи в настоящее время вполне достаточно окончание гимназии под непосредственным наблюдением родителей. Все же выше этого — от лукавого.

Несоответствующее образование в руках женщины — острый нож в руках ребенка. Стремление девиц к высшим женским курсам (вернее, к безобразной, развращающей студенческой жизни в столице без руководящего надзора родных) — это же самое, что стремление бабочек на огонь. Верная гибель! Для будущей семьи они потеряны, ибо кому нужны развращенные до мозга костей и потерявшие всякую женственность, с полными головами глупых фанаберий. Ученые неряхи?! Что же касается совмещения семейной жизни со службой, для нормальной женщины это несовместимо, потому что от самого дорогого в семье: детей, как мешающих вести ненормальную жизнь, приходится им избавляться или бросать в нежном возрасте на произвол чужих, наемных людей. А это, уж извините меня, не матери, а суки.

По нынешним временам и при нашем состоянии каждый грош нужно беречь на черный день, а между тем за одну комнату моя сестра платит 23 рубля в месяц. Я, самостоятельно зарабатывающий от 70 до 200 рублей в месяц, никогда не позволял себе платить за комнату более 15 рублей в месяц. Ценой величайшей экономии и отказом от личного семейного счастья в первой половине жизни я все, что мог, сберегал и вверял на

хранение своим родителям для того, чтобы хоть на склоне лет устроиться по-человечески — семьянином. Если моя заветная мечта всей жизни не осуществится из-за того, что результат моих многолетних трудов вытечет через образовавшуюся щель, то для меня это будет крайне обидно. Мое здоровье подорвано и мне, вероятно, очень скоро придется бросить службу. Пенсия, если будет, то самая пустячная, и останутся одни расходы на устройство жизни, на семью, на детей, на лечение недугов и т.д.

Действующая армия 19.09.1915

Я сейчас начальник учебной команды (Письмо родителям).

О сестре.

В день приезда я ее пожурил основательно за стремление не по назначению женщины вообще и за поездку на курсы (Высшие женские курсы) — в частности.

Погостила она у меня два дня. Я уступил ей свою комнату. Познакомил со своими младшими офицерами, угостил маринованными грибами, попотчевал солдатскими песнями своей академии, покатал верхом и в пролетке на своем коне и отвез с миром на пароход.

Я получил известие, что мой должник Антон Налбандов попал в плен и умер от брюшного тифа. Значит, посчитаемся мы с ним на том свете. Посылаю Вам белых грибов собственного сбора. Привет деду.

Ваш Н. Бастраков

03.01.1916

Дорогие родители!

Поздравляю Вас с Новым годом! С первого дня Рождества квартиры наши освещены электричеством. Благодаря этому и украшением комнат картинами и открытками, привезенными сестрой из Петрограда, квартирка моя приняла очень уютный и симпатичный вид. Маруся, по-видимому, пребыванием у меня очень довольна. Прошу передать мои поздравления с Новым годом деду и прочим родным. Получил ли дед открытку с нерукотворным образом Христа?

Ваш Н. Бастраков

06.03.1916 Действующая армия

В настоящее время цена земли 2-3 руб. квадратная сажень. Участок (Гурзуф, земля адмирала Баля) занимает очень соблазнительное положение (на самом берегу моря) и, кроме того, выходит на три улицы спроектированного дачного поселка. Земля с каждым годом поднимается в цене. Особенно в Крыму.

09.05.1916

Маруся погостила у меня почти месяц и уехала 30 апреля. Уже получил от нее письмо из Петрограда. Маруся пребыванием у меня, по-видимому, очень довольна. Я ее катал на лодке, водил по гостям и в собрание смотреть кинематограф. Учебную команду сдал и теперь команду третьим батальоном нашего полка. Мой адрес теперь: Селищенские казармы Новгородской губернии, флигель №76. Действующая армия, пехотный запасной полк, командир 3 батальона.

7 мая был в Новгороде на комиссии и по состоянию здоровья еще на месяц оставлен в той же категории. Заведование собранием и должность председателя распорядительного комитета офицерского собрания с переформированием батальона я сдал и назначен председателем полкового суда.

Мой товарищ Томас эвакуирован в Одессу, был болен тифом, воспалением легких, едва выжил. Поэтому приезд на Пасху его сестры не состоялся.

06.07.1916

Теперь я землевладелец в Крыму (Гурзуф).

Петров и Турок отправлены на фронт. Арефьев и Ковров еще здесь, Львовский и Есиновский тоже здесь и кланяются Марусе. На днях тут была свадьба. Женился прапорщик Казадай. Есть же на свете такие глубочайшие комики, что женятся в такую жару.

Сегодня 6 июля впервые купался в реке Волхов вместе с лошадей и конюхом.

Не заржавел ли мой мотосакат?

04.02.1916

Дорогая мама!

Присланные тобой мед и ветчину доедаю. У одного меня идет продуктов очень мало. Ведь ты знаешь, как я мало ем. Иногда собственноручно выпекаю в духовке или галанке сдобные булочки. Справляюсь с этим делом великолепно. Так что после отставки, вероятно, сумею открыть булочную. Умение варить варенье тоже пригодится, можно будет открыть кондитерское отделение.

Из дневника

Ищите опоры лишь в своем нравственном и умственном достоинстве.

«Русские очень талантливы. Я скажу: даже слишком. Таланты у них валяются на дороге, как ненужные брошенные вещи. Но у них недостает одного: уверенности в себе. И, как результат этого, настойчивости в преследовании своих целей. От того они так легко уступают места у себя же людям других национальностей»

(Игнатий Потапенко «На свой страх»)

29.06.1917

Пришла для меня полоса тяжелой жизни. В наш полк прислали какого-то чужого капитана, и, так как он оказался несколько старше меня, то мне, как единственному из батальонных командиров в капитанском чине (остальные подполковники), пришлось сдать батальон и перейти в роту. При современных условиях командовать ротой для старого офицера — пытка. Власти и дисциплины нет, а ответственность полная. А какие нужны нервы ежедневно быть в соприкосновении с темной массой «товарищей». Более мягкого и лучшего для солдат начальника, каким был капитан Максимов,

трудно придумать, и этот самый Максимов однажды чуть не был побит камнями, и только случайно был спасен от смерти. Теперь он поехал заканчивать юридическую академию. Одно могу сказать: «Счастливец». А вот я иду к командованию роты как приговоренный к гибели. Душа моя болит смертельно. Главным образом, я боюсь тех материальных и денежных несчастий, которых при существующей разрухе я предотвратить не в силах. Надежных помощников среди подчиненных нет, так как вся организация разрушена, и норовящий обмануть и подвести тебя темный и озлобленный рад на каждом шагу.

Господи! За что ты нам, офицерам, послал такое проклятие? Гибнут офицеры массами на фронте и подвержены пыткам в тылу. Господи, дай же сил перенести все это, сжался же, наконец, над нами!!!

Батальон я сдал. Начальство требует, чтобы я принял роту, а я не могу, не могу, не могу и не могу! Полки наши идут на фронт, но третью категорию туда не посылают пока.

01.08.1917

Жизнь последнее время стала так невыносима, что вера в людей уже исчезла и осталась только надежда на одного Бога. Я так устал физически и нравственно, что, кажется, потерял всякую трудоспособность. С удовольствием бы отрекся от всей этой суеты сует настоящей жизни и занял бы маленькое и скромное существование, только что оставленное моим дедом (наследство — примечание автора).

Я не знаю, да и никто, вероятно, не знает, кроме Бога, что будет дальше. Я все время верил в приличный исход войны для России, но теперь эту веру потерял.

01.09.1917. Симферополь

Невыносимое положение! Старый режим сверху на нет, новый режим снизу прет!!! То и гляди, что раздавят!.. Благодарю Вас за слова утешения, они душе моей приносят облегчение,, точно так же как терзаемому палачами Остапу. На возглас: «Слышишь ли ты меня, батько!?!». Ответ Тараса Бульбы: «Слышу, Слышу, Слышу!..».

08.09.1917.

Цены взлетели вдвое. Чем все это кончится? Нет дров, керосина, нет сахара, нет обуви. Трудно перечислить, что у нас нет и легче сказать, что у нас есть — есть анархия и разного рода самочинные комитеты и советы. Здравый смысл объявлен государственным врагом, и все порядочное в стране ошельмовано. Судьбой России распоряжается какая-то рвань. До чего дожили... Гибнем ведь!... Вот Вам и черные дни!.. Во что же обратятся сбережения всей нашей жизни? И вместо спокойной старости не придется ли нам испытывать холод, голод и нужду?

Скоро уж Бог поможет мне навсегда распрощаться с военным ведомством, сделавшимся пыткой для мучеников-офицеров. Душа моя хочет покоя и отдыха в родной семье. Жаль только, что у нас нет никакого родного гнезда. Несмотря на мои настойчивые советы, на юг Вы в свое время переехать не смогли, остались к тяжелым годам жизни на холодном неприветливом севере и вдобавок еще без собственного дома и клочка земли. А как было бы хорошо, если бы Вы теперь жили на юге в собственной усадьбе. Собрались бы мы все под одну крышу и стали бы век доживать, помогая друг другу. Какое наслаждение жить своим маленьким самостоятельным хозяйством, иметь свой огород, свой плодовый сад, своих пчел. Неужели нам не суждено пожить этой райской жизнью на земле!?!... Неужели всю жизнь нам суждено служить и умереть в ярме?

А роту я так и не принял. Не могу работать при существующих условиях, да и только. Как генерал Алексеев.

У Вас, наверное, дожди и слякоть, а здесь еще прекрасная сухая солнечная погода., цветут розы. Единственное утешение — климат.

23.09.1917.

Наш полк получил на 300 офицеров 150 пар английских сапог (30 рублей пара).

Маруся! Еще до войны практичные дамы изучали искусство шить дамскую обувь. Здесь открылись курсы, и масса дам принялась за дело. Советую и тебе заняться на свободе.

06.10.1917. Полевая почта

По милости Всевышнего я пока еще жив и здоров. Начинаю привыкать к превратностям судьбы и смотреть на них равнодушно, как на нечто неизбежное.

23.10.1917

На днях я ездил в Севастополь, пробыл там три дня. Заходил к Максимовой и долго разговаривал с ней за чаем. Алексей Степанович уехал кончать академию. Нина Шереметева (по мужу Венкстерн) имеет уже девятимесячную дочку. Живут они с мужем и матерью очень хорошо. Квартира и обстановка шикарные. Надежда Яновская — в своем доме, а Лидия в Москве где-то служит. Море в Севастополе так же прекрасно, как было и при Вас. В городе чувствуется некоторая пустота. Отчасти от того, что въезд в него теперь очень затруднителен, а отчасти от того, что очень уж своевольно ведет себя флотская и армейская демократия.

05.12.1917 Симферополь

Получаю я теперь немного, всего 140 рублей в месяц. Очень может быть, что скоро будет еще хуже, так как солдаты собираются лишиться нас чинов и офицерского звания. Горькая наша офицерская доля — всю жизнь мы терпели произвол начальства, а теперь принуждены терпеть произвол солдат. Один произвол стоит другого. От кровавых событий наш Крым пока еще избавлен, но за будущее, конечно, поручиться невозможно. Во всяком случае, это будущее пока что не предвещает ничего хорошего. Вся наша надежда на Учредительное собрание. Только бы его не сорвали провокаторы наших бывших правивших классов, для которых оно как могущее отобрать десятки и сотни тысяч десятин земли — крайне не желательно.

Вы говорите, что уржумцы продают дома! Хорошо и делают: отчего не продать за 10 тысяч дом, который куплен за 500 рублей. Но покупать теперь дома, по-моему, не имеет никакого смысла. Это нужно было сделать раньше!...

15.12.1917.

Жизнь бьет ключом. Все старое и дурное, и хорошее заменяется новым, только вот человеческую подлость никак не могут додуматься заменить разумом. Обалдела и озверела чернь без палки и всеми силами хочет доказать, что не свобода ей нужна, а ярмо и цепи на тысячу лет.

Хочу свободной жизни где-нибудь в теплой стране в собственном домике на собственном клочке земли. Читаю книги по садоводству, пчеловодству и огородничеству. Думаю, что война долго продолжаться не может, так как всеобщее истощение помимо человеческой воли должно ее прекратить. Мы, русские, войну фактически уже позорно проиграли, так как вместо армии у нас теперь существуют только банды взбунтовавшихся рабов и безмозглых торжествующих хамов, не повинующихся никакому здравому смыслу. Образумить этих рабов может только одна жестокая физическая сила.

Въезд в Севастополь очень затруднен, отчасти и от того, что очень уж своевольно ведет себя флотская и армейская демократия.

Батальон пока не получил, а от предлагаемых мне рот отказываюсь, так как при существующем положении вещей считаю это для себя невыносимо обидным. Я за свою службу слишком много перенес произвола начальства и больше переносить не намерен.

Итак, значит ты получаешь 125 руб. в месяц (отец Петр Ильич Бастраков служил в земской управе в Уржуме) — это хорошо. Но вот, что своевременно не перебрался на юг, а застрял на суровом севере, не имеешь никакой недвижимости, хотя бы в виде небольшого клочка земли и хотя бы маленького домишка, то это плохо.

20.01.1918. Симферополь

Дорогие родители!

Здесь произошел переворот. Среди многих офицеров нахожусь в тюрьме. Жизнь наша во власти народа. Бог — моя надежда. На моей совести нет ни одной капли крови.

Простите меня,

Николай Бастраков.

30.01.1918. Симферополь

13 января произошло вооруженное выступление большевиков в Симферополе. Я в это время был в Алуште. Как только в Алуште узнали, что большевики завладели Симферополем и Ялтой, то жители Алушты в паническом страхе бежали в горы, бежал с ними и я. Пять суток я провел в горах, покрытых снегом и лесом, а 18 января добрался до железнодорожной станции в надежде проехать в Симферополь под видом солдата, но тут одного офицера узнали и всех нас арестовали. Под непрерывные угрозы убить нас доставили ночью по железной дороге в Симферополь, а оттуда в тюрьму. Тюрьма уже была полна офицерами. Причем 14 ночью из этой тюрьмы было выведено и расстреляно матросами и солдатами 106 офицеров и при моем прибывании еще одного полковника. А сколько убито и расстреляно офицеров в городе и на разных станциях и местечках Крыма — это пока не поддается учету. В одной нашей камере нас 30 офицеров. Все лежим на своих шинелях на полу и ждем сиюминутную смерть. Ворвется толпа вооруженных матросов и начинает выводить и расстреливать десятками. О Родина! Неужели твои офицеры заслужили такой участи! Единственная надежда на Бога.

Всю жизнь я был убежден, что служу народам, населяющим Россию, и вдруг на старости лет оказался врагом народа и ввергнут как преступник в тюрьму. Благодарю Бога, что пока еще я не расстрелян самосудом толпы. Если сохранит нас Бог от этого, то нас ждет суд революционного трибунала, который может нас оправдать, но может и принудить к многолетней тюрьме. А за что?! В чем мое преступление перед народом? Простите меня, дорогие папа, мама и Маруся. Увидимся ли когда-нибудь? Не знаю. Как будет угодно Богу.

Ваш Н.Бастраков

Письмо А.Н. Пущеровской родителям

В ночь на 25 февраля 1918 г. матросы сняли караулы у тюрьмы и никого не пощадили, и он был в числе погибших 54 офицеров.

Тело его мы взяли, похоронили в отдельной могиле. Тело совершенно сохранилось от разложения до 9 дня, когда его хоронили. Вероятно, так всегда умирают мученики. Пусть Господь упокоит его душу.

Составитель: к.ф.н., Кулагина Г.Н.